

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ с Владимиром Войновичем в том злосчастном для него 1980 году, когда он должен был покинуть свое отечество. Выбора не было: или в Сибирь, или на проклятый Запад.

В Контебеле стояло сухое нежаркое тепло. Мы много купались, много бродили и, естественно, много говорили, хотя жили порознь: я и моя семья — на территории Дома творчества, Войнович и его семья — за пределами дома, ибо вход ему туда как исключенному из СП был воспрещен.

Скажу честно, я был горд этим знакомством, так как не только знал и любил «Чонкина» и «Иванькиаду», но и почитал их автора. Войнович писал что хотел, не боялся КГБ (его смех над капитаном Милягой в «Чонкине» был для этого учреждения пострашней, чем все бежавшие на Запад чекисты), плевал на Союз писателей и на жалкие подачки его, за которые мы держались, как дитя за подол мамки, и вообще был свободным человеком, каким я, например, не был.

Говорят, внутренняя (тайная, как писал Блок) свобода стоит внешней и даже превосходит ее, но я бы не стал уценивать и свободу внешнюю, если она не одно развязывание рук.

А сейчас как раз и идет эта уценка, слача на комиссию тех книг и поступков, которые привели в свое время к изгнанию Войновича и его собратьев по судьбе из СССР.

Даже наши прогрессисты, ловцы идей, нессяихся в воздухе, вначале рукоплескавшие возвращению героев эмиграции, сейчас строго указуют им на то, что пора переносить свои жилища на родину, так как иначе родина забудет их, а впрочем, уже и стала забывать.

Об этом мы и говорили в новой пустой

той квартире Войновича в Москве — пустой, потому что в ней, кроме хозяйки, изредка навещающего ее, никто не живет.

Отчего такая жизнь, отчего эти редкие гошения?

И тут я вспоминаю периодизацию советской истории, которую придумал — и, как всегда, смешно — в начале горбачевской эпохи В. Войнович. Согласно ей, когда во главе страны стоит лысый человек — веет оттепелью, когда его сменяет волосатый, жди зажима, политической зимы.

Все это хотя и было придумано в шутку, почему-то очень совпадало с правдой: Ленин ввел нэп, Сталин его отменил, Хрущев выпустил политических, Брежнев их вновь посадил, Андропов, Черненко, Горбачев этой периодизации соответствовали.

И вот Ельцин. И новая эра. И мы сидим на пустой кухне Войновича и пьем не водку, а кофе, и разговоры у нас грустные.

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ

Лит. газеты. — 1992. — 22 апр
(218) — 857

Грустные разговоры в пустой квартире

Минуло не двенадцать лет, а двенадцать веков, но почему-то, как и тогда, в Контебеле, куда нас теперь вряд ли пустит бывший партийный босс Кравчук, мы не чувствуем никакой близости к тем, кого вынесла наверх перестройка. Мы хорошо их помним: среди них преобладают вчерашние барды социализма — то «развитого», то «зрелого», то «с человеческим лицом».

На бесчисленных презентациях блещет новый советский истеблишмент: бывшие диссиденты, бывшие члены Политбюро, священники, президенты бирж, артисты, «защитники Белого дома» и даже бывшие генералы КГБ.

И среди них — Михаил Сергеевич Горбачев (тоже бывший) с бывшеною первою леди СССР.

Полный джентльменский набор знаковой советской верхушки, только несколько подновленной (диссиденты и иерархи церкви), только со сданными (или прибереженными) партилетами и с выражением благородной невинности на лице.

«Я по-прежнему нахожусь в советской стране», — говорит по этому по-

воду Войнович — и я перевожу для себя его слова так: «Я не хочу участвовать в новой лжи».

Старого воробья на мякине не проведешь, старые воробьи долго думают, и сейчас они предъявляют счет не России, а себе: этого ли мы добивались?

Признать, что именно **этого**, — значит посмеяться над своей жизнью; убедить себя, что **не этого**, — тоже слабость, ибо раз история повернула так, так и должно было случиться. Тут надо смотреть правде в глаза и себе также. И все-таки грустно, что те, кто первым освободился от страха, оказались не нужны новой власти. Впрочем, останься они в семидесятые годы с нами, может быть, и власть сейчас была бы другая.

Отношения поэта и власти — дело тонкое (поэт пишет, а царь читает или не читает), и не о правительстве идет речь, а о власти новых мифов, новых героев и новой нравственности.

Критика, дружно обрушившаяся в наши дни на творения эмигрантов (и на их личности), сама того не ведая, выполняет социальный заказ. Она опять устраняет **неудобных**. Она выво-

дит из обращения героев прошлого, чтоб освободить место кумирам настоящего, а те самолюбивы и не хотят ждать.

Что ж, Войнович, по-моему, и не хочет с ними соперничать. В его пустой квартире только одна комната оказалась не пуста: кабинет. В открытую дверь я увидел стул, стол, компьютер на столе и разложенные бумаги.

Писатель-воитель, человек на баррикадах, как признался мне В. Войнович, умер в нем. Если раньше хотелось драться, чистить авгиевы конюшни коммунизма, то теперь нет слаще состояния, чем сидеть за столом и писать. Загадка не в обществе, загадка в человеке, природу которого пока не удалось изменить ни Достоевскому, ни Толстому.

Но они хотя бы отчасти помогли ее постичь. Этого «отчасти» для сегодняшнего Войновича достаточно.

Смерч нигилизма, поднявшийся над нашей прессой, захватил в свою воронку и эмиграцию. Сейчас не только об одном Войновиче пишут в ироническом тоне. Если уж, как утверждает «Огонек», Солженицын — «враг свободы», то почему бы Войновичу не стать «другом КГБ»?

А именно так аттестует его в «Московском комсомольце» (1.4.92) А. Минкин, говоря, что «писателю Вичу тоже нужны враги, чтобы существовать», и «в этом плане» он «не отличается от КГБ».

Далее в статье Минкина (видимо, человека молодого) говорится о возрастной болтливости автора «Чонкина», о том, что от его лекций по радио «Свобода» «мухи дохнут», и вообще все это «эмигрантская лапша» за «деньги конгресса США».

Не могу не согласиться с Георгием Владимовым, написавшим недавно в

«Русской мысли» (№ 3907): «С гениями туго у нас, но герои-то, слава тебе Господи, не перевелись. Нельзя ни от кого потребовать героизма, но научиться его уважать можно?.. Торопясь изъять героическое из нашей жизни, мы себе уготовляем вечное поражение».

Можно сколько угодно сомневаться в литературных достоинствах сочинений писателей эмиграции, но нельзя не признать, что некоторые из них уже отмечены благодарной памятью истории.

Не будем же мы неблагодарнее ее.

Дай нам Бог при трезвости ума не терять ощущения, что идеальное все же существует и что именно оно подвигло таких людей, как В. Войнович, на поступки, которые и по сей день — несмотря на постигшие нас разочарования — сохраняют чистоту заразительного примера.

Есть среди эмиграции третьей волны и прохвосты, дети лейтенанта Шмидта, новоявленные спасители России в трехнедельный срок (они и здесь были пустоплясами), исписавшиеся (но они исписались бы и дома), но есть и замечательные личности, замечательные таланты, которые, где бы они ни жили, составляют часть нашего алмазного национального фонда.

И к ним я отношу В. Войновича.

Мы сидели у него три часа. Все три часа телефон молчал (два года назад в гостиничном номере Войновича он разрывался от звонков), но это было к лучшему — не отвлекало нас от беседы.

Внешний мир как бы отступил от этой квартиры, предоставив ее хозяйке единственно потребную для писателя свободу — свободу пребывания наедине с собой.